

В СОРОК третьем Борис Васильев приехал из госпиталя, после ранения, в Москву. Добрался до Лефортова и вошел в аудиторию Военно-инженерной академии. Война кончилась для него — под пулями ему не пришлось побывать больше. Но еще оставались неоплаченные долги...

Пришел мир. И перед лицом мира многие юные лейтенанты, прошедшие все круги военного ада, вдруг растерялись. Бондарев пронзительно рассказал о них в своей «Тишине».

— Война кончилась, и было очень важно научиться жить без войны. Мне повезло тогда: окончил академию, я стал военным инженером. И по сей день я немного инженер и немного военный. Тогда жил делами Уралмаша и ГАЗа, знаю, как делается план, как ладить с цехами. Военпред — это то же ОТК, хоть и в погонах. И на всю жизнь я полюбил инженерную точность мысли. Большинство моих нынешних друзей — инженеры. Благодаря заводскому опыту я оказался связанным не только с фронтом, не только с войной, как это случилось со многими моими товарищами — писателями 22, 23, 24-го годов рождения, сразу после демобилизации взявшимися за перо. Быть может, мое личное потрясение войной было не так сильно, как у них, но мне и в голову не приходило, что я способен о ней писать... Да и в мечтах я не видел себя писателем...

— И все же рискнули им статьи: военпред автозавода вдруг написал пьесу. Как это случилось?

— Пьесу я и правда написал. «Офицеры» понравились Погодину, он собирался напечатать пьесу в журнале «Театр». Я подписал договор, получил аванс, демобилизовался и купил себе гражданский костюм и шляпу. Я полностью уверился, что стал драматургом, но писателем...

Нет, писателем я себя не мнил, да и драматургом, конечно, не был. Хотя люди компетентные по сию пору утверждают, что Иван Петрович Ворошилов поставил хороший спектакль. В действительности я был просто спорщиком и, сочиняя «Офицеров», удовлетворял свой полемический азарт.

История с пьесой требует пояснения. Тогда в армию начало приходить новое поколение военных. Это были молодые выпускники академий, не нюхавшие пороха, не участвовавшие в боях, и фронтовое братство встречало их настороженно. С полным правом я мог считать себя фронтовиком, но ведь я был и выпускником академии. Заступиться за молодых офицеров я счел своим долгом. Что и сделал...

Но спектакль отменили, пьесу печатать не стали, деньги оказались потраченными на шляпу и костюм, а жизнь продолжалась, и надо было жить...

Он жил так: учился на сценарных курсах, писал вместе с Кириллом Раппопортом сценарии (по ним ставились неплохие фильмы), его напечатал Твардовский в «Новом мире» (помните — «Иванов на тер») и не спешил трудился над повестью, по которой сегодня поставлены десятки спектаклей, опера, фильм, получивший Государственную премию.

— Борис Львович, каждого пишущего о войне отличает что-то свое. Каковы были внутренние мотивы, заставившие вас взглянуть на события так, как это получилось в «Зорях»?

— Я не мог написать ничего другого. Я был виноват без вины. Ведь я остался жив, а больше двадцати миллионов погибло. Из нашего класса вернулись с фронта лишь четверо. Ныне в живых трое — четвертый наш товарищ умер от ран.

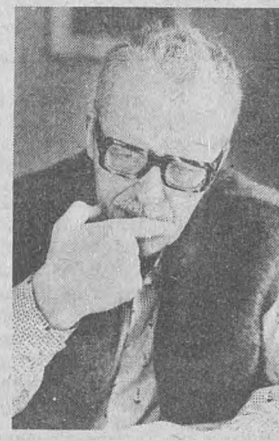
Я был тогда уже профессионалом, мог бы придумать десятки сюжетов, но не на сюжетах держится литература, а только на том, что пережито.

Я написал «А зори здесь тихие...». В них гибнут девушки. Если гибнут девушки, что же остается? Не детям же воевать? А ведь

и детям пришлось воевать. И все эти годы я думал, не мог не думать о потерях, потому что они были невосполнимы.

Я думал о том, как гибли люди: на миру, когда и смерть красна, и без свидетелей, когда можно уклониться, спрятаться, и знать никто не будет. Но не прятался. Не уклонялся. Они «не значились в списках», но это обстоятельство не избавляло их от необходимости сражаться и умирать. Об этом я написал свою вторую книгу...

Все эти годы меня мучила мысль: все-таки ли оправданно гибли люди на фронте? И как кадровый офицер я знал: нет, не всегда. И та тяжесть, что легла на душу героя «Встречного боя», поспешившего, допустившего просчет, тем более страшный, что война уже кончилась и мир наступил. Та тяжесть не оставляла и меня. Я должен был рассказать о ней. И, сделав это, отвоевал свою войну.

Воскресные встречи
ВСТРЕЧИ МК

ДЕЛО ЧЕСТИ

У нас в гостях писатель
Борис ВАСИЛЬЕВ

ОН ОТВОЕВАЛ, но человек и писатель военного поколения, как и вся страна наша, он помнит войну, и отголоски ее звучат в его книгах.

«Я — спорщик, я — полемист», — говорит он о себе. Но не пишет ничего ради одного только спора. В основе его книг крепко положительное начало. «Очень люблю хороших людей!» — говорит он...

— Борис Львович, каких людей вы любите? Ведь если к негативным явлениям все относится примерно одинаково, то вокруг положительного героя споры не утихают...

— Мой Егор Полушкин тоже возник из чувства протеста. Когда задумывалась и писалась повесть «Не стреляйте в белых лебедей», весьма модным было описывать «новаторов», круто меняющих те или иные обстоятельства жизни. Многим хорошо знаком этот образ, правда, не столько из реальной жизни, сколько из фильмов, книг и пьес. «Мужественные», «волевые» и «решительные», они приходят «со стороны» в колхозы, на стройки, на заводы и кафедры и одним махом сокрушают все отжившее и вредное. Вполне привлекательный тип, но лишь на первый взгляд.

Мне никогда не нравились люди, громко кричащие: «Кругом сор, будем подметать!» Мой Полушкин не из таких, он не кричит, он подметает. Пусть не широкие площади, а узкие тропинки, менее значительным от этого его дело не становится.

Полушкина трудно увидеть в жизни, но не потому, что он — редкое явление. Просто он так тих и скромен, а вместе с тем

и беззащитен, что мы, привыкшие к громким словам и делам, его просто не замечаем. А мне хотелось его защитить... Делом это оказалось нелегким.

...А многим читателям Бориса Васильева просто показались невыполненным: писатель бунтарски был завален письмами негодованиями: «Найдите и покажите убийц Егора!». Увы, он не может сделать этого.

— Борис Львович, вы не могли этого сделать, каковы же были цели вашей защиты?

— Поймать и наказать — это первый уровень реакции. Он вовсе не нужен литературе. Поймает милиция, осудит суд. Нам же нужно другое — защита «Полушкина» в самих себе, защита того, что есть в нас от него. А это, хоть и нелегко, но очень важно. Ведь Полушкин, что главное, абсолютно нравствен. И когда я говорю, что очень люблю хороших людей, я подразумеваю людей нравственных. Быть нравственным означает вести себя в соответствии с законами совести, не применяясь к обстоятельствам, не впадая в зависимость от них.

На войне, когда люди гибли без сви-

детелей, цели их были четко обозначены, и им в известном смысле было легче делать свой выбор. В наше — мирное — время ценой такого выбора не обязательно должна становиться жизнь, но это вовсе не избавляет нас от выбора — пойти на уступку или нет.

Полушкин нравствен и не применяет к обстоятельствам. Герой «Холодно-холодно» применяется, потому что безнравствен. И если нравственности все равно, есть свидетели или нет, то безнравственности свидетели далеко не безразличны, она стремится от них избавиться любой ценой, даже ценой убийства. Была бы легко рассказать, как водитель рефрижератора, совершивший преступление, оказывается пойман и судим. Но дело не в этом. Честь и совесть от одного страха перед судом не возникают, а литература тут, как мне кажется, многое может. Важно только не понимать ее задачу упрощенно и не делать своим «положительным героем» человека, совершающего утилитарно «хорошие» поступки.

...А людей таких, по мнению Васильева, немало. Это о них пишут: «прекрасный производственный», он добился доверия бригады...».

— Да что же это такое? Неужели нас не волнует смысл собственных слов? Как же может быть, чтобы бригадир чуть не год пришлось добиваться самого простейшего условия человеческих отношений — доверия? Получается, как пришел он в бригаду, ему и не доверял никто.

Конечно, этот пример всего лишь — штамп. Ему — грош цена. Но ведь рядом с нами растут наши дети и верят нашим словам. Ну, а как спросят, что значат эти слова? Что мы ответим? Я совершенно уверен: такие слова, как «долг», «совесть», «честь», — не пустой звук, они имеют вполне определенный и неподменный смысл. И роман «Были и не были» целиком посвящен утверждению этих понятий.

ВАСИЛЬЕВ вдруг улыбается: «Видите, какой я спорщик, все время возражаю кому-то». Но спорит он не зло, даже не сердито, ибо уверен: литература должна быть доброй.

— Мой самый дорогой писатель — Диккенс. Все герои его, даже самые «плохие», любимы им. Как ни странно, это редкое свойство писателей — безоговорочная любовь к своим героям.

Повторяю: я за добрую, может быть, преувеличенно добрую литературу. И я не боюсь быть тенденциозным, не боюсь идеализировать своих героев, хотя они часто гибнут в моих книгах. Мне жаль их...

— И вы хотите, чтобы мы их тоже жалели, чтобы мы видели и сердцем чувствовали, кого теряем?

— Да, очень.

Инженер, военный, ценитель четкости — он готов все отдать пусть за нелепый, но добрый и искренний поступок, даже только порыв. Стоит ли? Есть ли в нашем мире, требующем лаконичных, рациональных решений, место для того, что обычно называют лирикой?

— Уверен, есть. Но его не так много. Поэтому гуманитарии — писатели, поэты, композиторы, философы, историки — только тогда могут считаться «соответствующими» должности, когда они всей своей деятельностью стремятся отстоять непреходящие нравственные ценности, расширить нравственное пространство. И я готов сражаться в этой армии, будь я хоть последний солдат на последнем редуте. Литература в этом сражении — сильное оружие, особенно в нашем Отечестве, где уважение к ней традиционно сильно.

Приведу такой пример. Есть у меня добрый товарищ, технарь до мозга костей. Его суждения и отношение к театру, кино, живописи удивительно наивны и сугубо утилитарны. От театра и кино он ждет развлечения после тяжелого рабочего дня, в живописи понимает то, что «похоже» или радует глаз, в музыке предпочитает эстраду. Но вот ночью звонок — он. И чуть не в крик: «Боря, я тут такую книжку прочел, ты с ума сойдешь! Утром привезу, прочитаешь». Да что же это была за книга? Маркес, «Сто лет одиночества» — труднейшая литература, которую многие гуманитарии читали больше из соображений престижа, нежели интереса!

УВАЖЕНИЕ Бориса Васильева к мировой и отечественной литературе не так наивно, но не менее сильно, чем у его товарища. В молодости он не решался думать о себе как о писателе (хотя, конечно, писал) именно по причине этого безграничного, воспитанного с детства уважения к ней — таковы были традиции его семьи и ее окружения. Сегодня он вправе себя таковым называть.

«Дело — не в сюжетах», — повторяет он. И пишет о мальчишках («А завтра была война») с той же легкостью и искренностью, как о ветеранах («Вы чье, старичье?»). Он сам ветеран, но он и мальчишка. Способен искренне хохотать над незатейливой шуткой, глубоко печалиться и быть совершенно пораженным, буквально до слез, сентиментальной кинокартиной.

Он очень похож на свои книги. И его книги очень похожи на него.

Т. ШОХИНА,
А. СЕРГЕЕВ.